

EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

НЕОФИЦИАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД
АУТЕНТИЧНЫЙ ТЕКСТ РАЗМЕЩЕН НА САЙТЕ
ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

www.echr.coe.int
В РАЗДЕЛЕ HUDOC

ТРЕТЬЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО «СЕРГЕЙ ИВАНОВ против РОССИИ»

(жалоба №. 14416/06)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

г. СТРАСБУРГ

15 мая 2018 года

ВСТУПИЛО В СИЛУ

15 августа 2018 года

Данное постановление вступило в силу в порядке, установленном пунктом 2 статьи 44 Конвенции. Может быть подвергнуто редакционной правке.

По делу «Сергей Иванов против России»

Европейский Суд по правам человека (Третья секция), заседая Палатой в составе:

Хелена Йедерблом, *Председатель*,
Бранко Лубарда,
Хелен Келлер,
Дмитрий Дедов,
Пере Пастор Виланова,
Алина Полачкова,
Мария Элосеги, *судьи*,

а также Фатош Араджи, *Заместитель секретаря Секции*,
проведя заседание 10 апреля 2018 года за закрытыми дверями,
в указанный день вынес следующее постановление:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было возбуждено на основании жалобы (№ 14416/06), поданной в Европейский Суд гражданином России Сергеем Владимировичем Ивановым (далее — «заявитель») 17 февраля 2006 г. против Российской Федерации в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее — «Конвенция»).

2. Интересы заявителя в Суде представлял Д.В. Мосенков — адвокат, практикующий в г. Нижнем Новгороде. Интересы властей Российской Федерации (далее — «Власти») представлял первоначально Г. Матюшкин, Уполномоченный Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека, а затем его преемник М. Гальперин.

3. Заявитель утверждал, в частности, что он подвергся жестокому обращению со стороны сотрудников милиции и осужденных заключенных, действующих по их указанию, что не было проведено эффективного расследования его жалоб и что признательные показания, полученные в результате жестокого обращения с ним, были использованы в качестве доказательства для его осуждения.

4. 14 марта 2013 года данная жалоба была коммуницирована Властям.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

A. Предполагаемое жестокое обращение с заявителем

5. Заявитель, 1966 года рождения, проживает в г. Нижнем Новгороде. В настоящее время он отбывает тюремный срок в Нижегородской области.

6. 24 апреля 2004 года в офисах компании в Нижнем Новгороде произошло ограбление. В тот же день отдел милиции по Нижегородскому району Нижнего Новгорода возбудил уголовное дело по факту ограбления. Оперативно-розыскное бюро ГУ МВД РФ по Приволжскому федеральному округу (далее — «милицейское подразделение ОРБ», «милиция», «сотрудники милиции») провело оперативно-розыскные мероприятия по делу, включая прослушивание телефона. Результаты были рассекречены и переданы С., следователю *Следственной части Главного следственного управления при ГУВД по Нижегородской области*, ответственному за ведение дела о грабеже, 2 июня 2004 года. Согласно милицейскому рапорту, ограбление было совершено заявителем и пятью другими лицами. 4 июня 2004 года С. обратился в суд за ордером на обыск квартиры заявителя на том основании, что он подозревался в совершении ограбления.

7. 7 июня 2004 года судья Д. Нижегородского районного суда Нижнего Новгорода удовлетворил ходатайство следователя и выдал ордер на обыск квартиры заявителя, ссылаясь на заявителя как на подозреваемого.

1. Предполагаемое жестокое обращение с заявителем 8 и 22 июня 2004 года

8. С 6:18 до 7:56 8 июня 2004 года сотрудники милиции обыскали квартиру заявителя в его присутствии. Затем они отвезли его в помещения милицейского подразделения ОРБ в Нижнем Новгороде (далее — «отделение милиции»).

9. Версия заявителя о последующих событиях такова. Его просьба о доступе к адвокату была проигнорирована. В милиции потребовали, чтобы он признался в грабеже. Он отказался. К троим из сотрудников милиции, которые его арестовали, присоединились другие милиционеры, в том числе К., Пр. и С. Они подвергли его различным формам насилия, таким как удары и пинки ногами, блокирование его дыхательных путей, закрывая рот и нос тряпкой и связав его в причиняющем боль положении. Они заставили его сидеть на полу, скрестив ноги, с закованными в наручники руками за спиной и мешком

на голове, чтобы он ничего не видел. Его ноги были связаны веревкой, которая была привязана к его шее и наручникам. Милиционеры вытянули веревку, чтобы заставить заявителя принять искривленное положение, причиняющее боль, затем сели ему на спину и вскочили на него. Когда заявитель потерял сознание, они вылили на него воду. Он слышал, как сотрудники милиции говорили друг другу о том, чтобы не оставлять следов на его теле. Следователь несколько раз вошел в помещение и потребовал, чтобы заявитель написал признание.

10. По словам заявителя, его подвергали жестокому обращению несколько часов, пока он не дал признательных показаний, как от него требовали.

11. Согласно протоколам милиции, заявитель признался в совершении ограбления с тремя другими лицами в 9:30 8 июня 2004 года. Его признание было оформлено в виде добровольной явки с повинной оперативным сотрудником П. в кабинете № 329. В протоколе указано, что в 9:30 8 июня 2004 года заявитель обратился в милицию и сообщил о том, что он совершил преступление.

12. Согласно протоколу о задержании заявителя в качестве подозреваемого по делу о грабеже, составленном С., заявитель был задержан в 9:40 8 июня 2004 года, и протокол был составлен в это же время. С 17:05 до 17:30 он был допрошен в качестве подозреваемого в присутствии адвоката, назначенного С. Заявитель отказался давать показания, ссылаясь на свое конституционное право не свидетельствовать против самого себя. Затем его поместили в изолятор временного содержания ГУВД по Нижегородской области.

13. 9 июня 2004 года заявитель предстал перед судьей Д. Нижегородского районного суда, который удовлетворил ходатайство следователя о заключении заявителя под стражу. По словам заявителя, на слушании в присутствии адвоката, назначенного его семьей, он жаловался судье, что подвергся жестокому обращению со стороны сотрудников милиции и в результате подписал признательные показания, но судья не предпринял никаких действий.

14. По словам заявителя, после судебного заседания он не был помещен в следственный изолятор, что было обычной практикой. Вместо этого он содержался под стражей в изоляторе временного содержания ГУ МВД по Приволжскому федеральному округу в течение пяти дней, а затем был помещен в следственный изолятор СИЗО-1. По утверждению Властей, заявитель содержался под стражей в СИЗО-1 с 9 июня 2004 года.

15. 15 июня 2004 года заявителя обвинили в ограблении, и С. допросил его в качестве обвиняемого в присутствии его адвоката. Заявитель заявлял о своей невинности и снова отказался от дачи показаний.

16. 22 июня 2004 года заявителя доставили из СИЗО-1 в отделение милиции. По его словам, сотрудники милиции, в частности Ч., К., П. и Пр., снова подвергли его жестокому обращению, вынуждая его дать признательные показания.

17. 24 июня 2004 года заявитель через своего адвоката подал жалобы начальнику следственного изолятора, прокурору Нижегородской области, в Генеральную прокуратуру и Совет при Президенте РФ по правам человека. Он рассказал о том, что подвергался актам насилия со стороны сотрудников милиции 8 и 22 июня 2004 года (см. пункты 9 и 16 выше). Он просил принять меры и предоставить ему защиту, добавив, что он может указать соответствующих сотрудников милиции. Он заявил, что в результате насилия он признался в совершении преступления, которое он никогда не совершал, в «заявлении о явке с повинной», которое было продиктовано ему сотрудниками милиции и С.

2. Предполагаемое жестокое обращение с заявителем 28 июня 2004 года

18. Версия заявителя о событиях 28 июня 2004 года такова. 28 июня 2004 года заявитель был доставлен из СИЗО-1 в отделение милиции, где он снова подвергся жестокому обращению, и от него потребовали дать признательные показания. Милиционеры, в частности, Ч., К., П. и Пр., били и пинали его, а также связали его в положении, причиняющем боль. Обе его ноги были связаны веревкой и раздвинуты. Как и в предыдущем случае 22 июня 2004 года, с заявителем никаких следственных действий не производилось.

19. 29 июня 2004 года заявитель обратился к врачу в следственном изоляторе с просьбой зафиксировать травмы, предположительно нанесенные ему накануне, в частности ушибы грудной клетки, которые затрудняли его дыхание, и ссадины. В 11:20 врач Ч. зарегистрировал круговые ссадины на нижней трети обеих голеней с коричневой «влажной» поверхностью шириной от 1,5 до 2 сантиметров. Врач пришел к выводу, что травмы были нанесены накануне. О травмах сообщили начальнику СИЗО-1.

20. В тот же день заявитель, который не получил ответа на свою предыдущую жалобу, подал еще одну жалобу начальнику следственного изолятора, заявив, что он был избит в отделении милиции 28 июня 2004 года, в результате чего получил травмы грудной клетки и ссадины. Он попросил провести расследование данного происшествия и провести полное медицинское обследование. Он заявил, что, несмотря на сильную боль в груди, медицинский персонал следственного изолятора отказался произвести надлежащее медицинское обследование. Он попросил начальника следственного изолятора прекратить доставлять его в милицию и вместо этого

производить следственные действия в следственном изоляторе в присутствии его адвоката.

21. 30 июня 2004 года заявитель направил вторую жалобу прокурору Нижегородской области, жалуюсь, что 28 июня 2004 года в кабинете в отделении милиции с надписью №№ 326-331 на двери, милиционеры избивали его в течение нескольких часов, чтобы заставить его признаться в преступлениях, которые он не совершал. По возвращении в следственный изолятор он попросил медицинский персонал зафиксировать его травмы. Заявитель попросил привлечь милиционеры к ответственности и заявил, что он может их идентифицировать.

3. Предполагаемое жестокое обращение с заявителем во время его содержания под стражей в исправительной колонии ИК-14 в июле-ноябре 2004 года

22. 13 июля 2004 года милиционер, М., сообщил начальнику отдела № 3 милицейского подразделения ОРБ, которое обеспечило «оперативное сопровождение» уголовного дела заявителя, что трое из пяти человек, задержанных по этому делу, признались в грабеже и сотрудничали со следствием, предоставив дополнительные доказательства преступной деятельности группы. Согласно оперативной информации, заявитель попытался запугать сообвиняемых, содержащихся в том же следственном изоляторе, которые начали сотрудничать со следственным органом, тем самым заставив их бояться за свою жизнь и здоровье и препятствуя расследованию. В докладе рекомендовали перевести заявителя в исправительную колонию ИК-14.

23. 14 июля 2004 года С. распорядился перевести заявителя в блок, функционирующий в качестве следственного изолятора в ИК-14, по тем же причинам, что были указаны в милицейском рапорте (см. пункт 22 выше).

24. По-видимому, заявитель был переведен туда 21 июля 2004 года.

25. Версия заявителя о последующих событиях такова. Его поместили в карцер на 18 дней. В течение этого времени его избивали при попустительстве администрации ИК-14 до потери сознания несколько заключенных, действующих по указанию милиции, чтобы он сознался в совершении ряда вооруженных ограблений. Они били и пинали его, били его резиновой дубинкой и вешали вниз головой. Впоследствии он некоторое время содержался под стражей вместе с осужденными. Его неоднократно посещали сотрудники милиции, в частности, офицеры Ч. и П., которые требовали, чтобы он признался в ряде грабежей, и избивали его, когда он отказывался. Они также попросили некоторых из заключенных, в частности, С.П. и А.В., избивать его. После избиений он едва мог двигаться самостоятельно.

Один из осужденных, З., угрожал ему сексуальным насилием, если он не подпишет признательные показания. Сотрудники медицинского подразделения в ИК-14 якобы отказали ему в лечении.

26. Согласно медицинской карте заявителя в ИК-14, с 21 по 29 сентября 2004 года он получал стационарное лечение неврологического расстройства.

27. В неуказанную дату во время содержания под стражей в ИК-14 заявитель сознался в шести преступлениях, и его признания были записаны как «явка с повинной».

28. 3 ноября 2004 года в ИК-14 заявитель повторил свои признательные показания в присутствии С. и своего адвоката. Заявления были зафиксированы в протоколе его допроса в качестве обвиняемого. По словам заявителя, признания были результатом пыток со стороны милиции и осужденных, которые он больше не мог выносить.

29. 1 декабря 2004 года С. распорядился о возвращении заявителя в следственный изолятор на том основании, что риск запугивания им сообвиняемых отпал, поскольку все необходимые следственные действия были выполнены. 2 декабря 2004 года заявитель был переведен в СИЗО-1.

30. По утверждению Властей, во время его содержания под стражей в ИК-14 заявитель содержался в подразделении, функционирующем в режиме следственного изолятора. Ему были разрешены кратковременные свидания с женой 13 августа и 24 сентября 2004 года. Согласно письму от 29 июля 2010 года, подписанному Сухобезводненским прокурором, заявитель содержался под стражей в подразделении ИК-14, функционирующем в качестве следственного изолятора с 6 августа по 2 декабря 2004 года.

31. Заявитель представил несколько конвертов с почтовыми марками, в которых он отправил письма своей семье в ноябре 2004 года. Его рукописный адрес был указан как подразделение № 14 в ИК-14.

32. Заявитель представил в Суд следующие свидетельские показания, записанные представителем неправительственной организации «Комитет против пыток» в Нижнем Новгороде в феврале 2006 года:

(i) Согласно заявлению И.К., он отбывал наказание в виде лишения свободы в подразделении № 14 в ИК-14, где ему неофициально было поручено следить за дисциплиной. В сентябре 2004 года заявитель, который не являлся осужденным, как и другие, был переведен в подразделение. И.К. узнал от Б., который занимал высокое положение в неофициальной иерархии осужденных заключенных в подразделении, что заявитель был переведен туда, с тем чтобы его можно было принудить к даче признательных заявлений по просьбе

сотрудников правоохранительных органов любыми способами. У заявителя были синяки под глазами и гематомы на голове. Он едва мог двигаться самостоятельно, и у него была депрессия. Несколько раз его посещали офицеры из милицейского подразделения ОРБ. После посещений ему приходилось просить о помощи других людей, чтобы добраться до камеры, и он выглядел крайне подавленным. Однажды, после посещения, заявитель написал заявление, в котором описывал пытки и избиения во время допросов. И.К. передал это заявление Б. В тот же день два осужденных, А.В. и С.П., пошли к заявителю и отвели его в кладовку. Сквозь тонкие фанерные стены И.К. мог ясно слышать как А.В. и С.П. кричали на заявителя и угрожали ему физическим и сексуальным насилием, если он продолжит жаловаться и отказываться написать показания, которые милиция просила его дать. В ряде других случаев И.К. слышал, как один осужденный, З., угрожал заявителю сексуальным насилием, если он откажется давать показания. После того как заявитель был принужден дать ряд признательных показаний, он больше не подвергался угрозам и избиению, и вскоре покинул колонию. И.К. заявил, что он готов подтвердить свои показания в следственном органе и судах, добавив, что он опасался давления со стороны милиции и прокуратуры.

(ii) Согласно заявлению Г., он отбывал наказание в виде лишения свободы в ИК-14. В сентябре 2004 года заявитель, который не был осужденным, как другие, был переведен в его подразделение. У него были синяки под глазами, и он жаловался на боль по обе стороны его тела и позвоночника. Его неоднократно вызывали на допросы сотрудники милицейского подразделения ОРБ. Допросы начинались утром и продолжались до вечера. После допросов заявитель не мог самостоятельно передвигаться и имел свежие травмы, в частности ссадины и синяки на лице. Он объяснял, что его избивали милиционеры. Однажды трое заключенных, В., Б. и З., отвели его в кладовку. Г. слышал, как они кричали на заявителя и угрожали ему, требуя, чтобы он признался в ряде преступлений и написал признательные показания в соответствии с требованием сотрудников милиции. После этого инцидента у заявителя появилось несколько свежих синяков на лице.

(iii) Согласно заявлениям жены заявителя, на судебном заседании 9 июня 2004 года заявитель выглядел очень подавленным. У него были синяки на голове и ссадины на запястьях. Когда она посетила его в ИК-14, его лицо было в синяках, он волочил ногу и с трудом садился. Он сказал, что его содержали под стражей с осужденными заключенными в подразделении № 14 и регулярно посещали сотрудники милиции, требуя, чтобы он дал признательные показания в отношении тяжких преступлений. Во время последующих посещений, по крайней мере три раза, заявитель выглядел так, будто его избивали,

с ссадинами и синяками на лице и голове, и синяками на запястьях. Он с трудом разговаривал, делал длинные паузы и едва мог двигаться. Однажды он сказал, что в результате пыток он подписал несколько признательных показаний подряд. На одном из судебных слушаний по продлению срока его содержания под стражей он жаловался на сильную боль в спине.

(iv) По утверждению сына заявителя, Д.М., на том же слушании 9 июня 2004 года заявитель выглядел очень подавленным и потрясенным. Его лицо было опухшим, его губы были разбиты, и он шел с трудом. Он не узнал свою семью. Посетив своего отца в ИК-14, Д.М. узнал о насилии, которому он подвергся со стороны милиционеров и осужденных.

4. Медицинская карта заявителя

33. Власти представили выдержки из медицинской карты заявителя, касающиеся периода его содержания под стражей, в частности:

(i) Форма под названием «осмотр дежурным врачом» со следующими предварительно напечатанными разделами: «рост», «вес», «жалобы», «глотка и кожные покровы», «сердце и легкие», «артериальное давление», «туберкулез», «венерические заболевания», «психические заболевания», «вирусный гепатит». Слово «головная боль» написано в разделе «жалобы», в то время как в разделе «глотка и кожные покровы» указано «чистые». В форме не предоставляются подробные сведения о том, какие части тела заявителя были осмотрены, и где проводилось обследование. Она была подписана и датирована 9 июня 2004 года.

(ii) В форме, озаглавленной «телесные повреждения по прибытии», говорится, что 9 апреля 2007 года в ИК-20 не было «никаких телесных повреждений». Форма подписана и датирована 9 июня 2004 года и содержит аналогичную подпись в форме, описанной выше.

Б. Доследственная проверка по заявлению о предполагаемом жестоком обращении с заявителем

34. Следственные органы провели предварительные расследования по утверждениям заявителя о насилии со стороны сотрудников милиции и осужденных, действующих по их поручению, при попустительстве администрации ИК-14. По его утверждениям уголовное дело возбуждено не было. Подробности решений, принятых следственными органами, изложены ниже.

1. Предполагаемое жестокое обращение с заявителем 8 и 22 июня 2004 года

35. 16 июля 2004 года следователь прокуратуры Нижегородского района Нижнего Новгорода отказал в возбуждении уголовного дела по факту предполагаемого жестокого обращения с заявителем 8 и 22 июня 2004 года в соответствии с пунктом 1 части 1 статьи 24 Уголовно-процессуального кодекса за отсутствием доказательств совершения преступления. На основании заявлений С. и милиционеров, которые единогласно отрицали утверждения заявителя, следователь постановил, что утверждения заявителя не подтверждались доказательствами.

36. 23 августа 2004 года прокурор Нижегородского района признал это постановление законным, обоснованным и основанным на всестороннем и беспристрастном расследовании.

37. 6 марта 2006 года заместитель прокурора Нижегородского района отменил постановление от 16 июля 2004 года как незаконное и необоснованное из-за неспособности установить личности всех причастных милиционеров.

2. Предполагаемое жестокое обращение с заявителем 28 июня 2004 года

38. 2 августа 2004 года следователь прокуратуры Нижегородского района отказал в возбуждении уголовного дела по факту предполагаемого жестокого обращения с заявителем 28 июня 2004 года в соответствии с пунктом 2 части 1 статьи 24 Уголовно-процессуального кодекса за отсутствием элементов преступления по статье 286 Уголовного кодекса (злоупотребление полномочиями) в действиях Я., одного из сотрудников милиции, которые 28 июня 2004 года доставили заявителя из СИЗО-1 в отделение милиции и обратно. Следователь полагался на заявления Я. и С., отрицающих жестокое обращение с заявителем. Следователь постановил, что не было доказательств того, что ссадины на голенях заявителя, описанные в медицинской карте от 29 июня 2004 года, были нанесены в отделении милиции.

39. 6 марта 2006 года заместитель прокурора Нижегородского района отменил это постановление как необоснованное ввиду неспособности выявить всех причастных сотрудников милиции.

40. 13 марта 2006 года следователь районной прокуратуры издал новое постановление об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении должностного лица Я., аналогичное предыдущему постановлению. 31 марта 2006 года заместитель прокурора Нижегородского района отменил это постановление как необоснованное.

41. В ходе нового предварительного расследования заявитель дал «разъяснения», подробно описав предполагаемое жестокое обращение с ним со стороны милиционеров Ч., К., П. и Пр. и заявив, что он может опознать несколько других. Пр. заявил, что после задержания заявителя и до прибытия следователя, ведущего уголовное дело, сотрудники милиции опросили заявителя.

42. На основании показаний милицейских, отрицающих жестокое обращение с заявителем, было издано еще два постановления об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении сотрудников милиции 10 апреля 2006 года (отменено в тот же день) и 19 апреля 2006 года.

3. Предполагаемое жестокое обращение с заявителем во время его содержания под стражей в ИК-14 с июля по ноябрь 2004 года

43. 8 апреля 2005 года заместитель прокурора Сухобезводненской прокуратуры по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях отказался возбуждать уголовное дело по жалобам заявителя на жестокое обращение в ИК-14 в соответствии с пунктом 1 части 1 статьи 24 Уголовно-процессуального кодекса за отсутствием доказательств совершения преступления.

44. В постановлении было указано, что, со слов заявителя, в ИК-14 он содержался в карцере в блоке, служащем в качестве следственного изолятора, а в подразделении № 14 — вместе с осужденными заключенными, которые подвергали его психологическому и физическому насилию, вынудив его оформить «явку с повинной». Его утверждения содержали информацию о регулярных избиениях осужденными А.А., Б., М.К., С.П. и А.В., членом администрации ИК-14, капитаном В. и сотрудниками милиции, в частности П. и его подчиненными.

45. На основе показаний милиционеров М., П. и Я., следователя С., осужденных А.А., М.К. и А.В. и Т., руководителя подразделения, функционирующего в качестве следственного изолятора, которые единогласно отрицали утверждения заявителя о жестоком обращении, заместитель прокурора постановил, что утверждения заявителя не подтверждались доказательствами.

46. В тот же день глава управления по надзору за следствием и дознанием прокуратуры Нижегородской области пересмотрел постановление Сухобезводненской прокуратуры от 8 апреля 2005 года и признал его законным и обоснованным, заявив, что во время содержания под стражей в ИК-14 заявитель сознался в шести преступлениях, и «его показания были задокументированы в явке с повинной, которая была направлена в ОРБ ГУ МВД России по Приволжскому федеральному округу».

47. Заявитель подал апелляции на постановление от 8 апреля 2005 года, которая была отклонена различными уровнями прокуратуры, как указано в письме заместителя Генерального прокурора Российской Федерации от 20 февраля 2006 года, а также письмах прокуратуры Нижегородской области от 9 марта и 10 апреля 2006 года.

С. Судебное разбирательство в отношении заявителя

48. Заявитель был судим присяжными в Нижегородском областном суде. На предварительном слушании 19 октября 2005 года он просил исключить из доказательств протокол его допроса в качестве обвиняемого и ряд других документов о следственных действиях по его делу, поскольку содержащиеся в нем показания заявителя против самого себя были получены от него под принуждением со стороны сотрудников милиции и заключенных ИК-14.

49. По просьбе заявителя суд первой инстанции заслушал двух свидетелей. Сын заявителя С.И. заявил, что в ходе слушания под стражей заявитель находился в «бредовом состоянии», у него было опухшее лицо, он сильно хромал и не мог передвигаться самостоятельно. Когда С.И. посетил своего отца в ИК-14 в конце августа 2004 года, у него был синяк рядом с одним глазом, порез на губе, посиневшие руки, синяки и ссадины на запястьях. Заявитель написал своей семье в сентябре или октябре 2004 года с просьбой подать официальную жалобу на избиения. Однако, впоследствии он передумал и попросил их не делать этого.

50. И.К. утверждал, что он отбывал тюремное заключение в ИК-14. На следующий день после его прибытия заявитель был направлен в медицинскую часть с жалобами на боль в спине и ноге. У него были синяки на лице, которые, по его словам, были нанесены ему другими заключенными. Заявителя регулярно забирали из подразделения для встреч, примерно три раза в месяц. И.К. узнал от заявителя, что посетителями были сотрудники милиции. После посещений заявитель не смог подняться по лестнице и жаловался на боль в голове и спине.

51. Суд первой инстанции установил, что показания свидетелей не подтверждают утверждения заявителя. Он отметил, что спорные записи были подписаны адвокатом и содержали информацию о процедурных правах заявителя. По мнению суда, жалобы заявителя на головные боли и боль в спине и ногах объяснялись его историей заболеваний, в частности посттравматической энцефалопатией, остеохондрозом шейного отдела позвоночника и формой дистонии, диагностированной у него в 1991 году. Выводы суда также основывались на показаниях С., отрицавшего утверждения заявителя, и постановлении Сухобезводненского прокурора об отказе в возбуждении уголовного дела по факту предполагаемого жестокого

обращения с заявителем. Он постановил, что утверждения заявителя о том, что его признательные показания были даны под давлением, не были основаны на фактах, и отклонил его ходатайства о признании оспариваемых доказательств неприемлемыми.

52. 8 июня 2006 года заявитель и его сообвиняемые были осуждены за кражу и ряд вооруженных ограблений, совершенных в 1998, 1999, 2002 годах и 24 апреля 2004 года преступной группой, возглавляемой двумя сообвиняемыми заявителя. Заявителя приговорили к девятнадцати годам лишения свободы. При вынесении приговора заявителю суд применил пункт «и» части 1 статьи 61 Уголовного кодекса, в котором предусматривалось, что «явка с повинной», активное содействие расследованию преступления, изобличению других соучастников преступления являлась смягчающим обстоятельством, гарантирующим менее суровое наказание.

53. Заявитель подал апелляцию. Он заявил, что после его задержания он был избит милицией и был принужден совершить «явку с повинной», от которой отказался на суде. Его повреждения были подтверждены медицинскими свидетельствами. 21 июля 2004 года он был незаконно переведен в исправительное учреждение ИК-14 под предлогом того, что он запугал своих сообвиняемых, чего он никогда не делал. Его держали в карцере, а затем в блоке вместе с осужденными заключенными, которые подвергали его избиениям, в результате чего он дал показания против самого себя. Это подтвердил свидетель И.К.

54. 22 февраля 2007 года Верховный суд Российской Федерации сократил приговор заявителя до шестнадцати лет тюремного заключения, исправил ошибки исчисления судом первой инстанции и оставил в силе оставшуюся часть решения. Исходя из постановления Сухобезводненского прокурора об отказе в возбуждении уголовного дела, он оставил в силе заключения суда первой инстанции в отношении утверждений заявителя о насилии со стороны сотрудников милиции и его ходатайства об исключении доказательств, которые, как он утверждал, были получены по принуждению.

55. 25 ноября 2013 года Варнавинский районный суд Нижегородской области сократил приговор заявителя до пятнадцати с половиной лет тюремного заключения после внесения изменений в Уголовный кодекс.

II. СООТВЕТСТВУЮЩЕЕ ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРАВО И ПРАКТИКА

56. В Законе об оперативно-розыскной деятельности (Закон № 144-ФЗ от 12 августа 1995 года) приводится перечень мероприятий, которые могут осуществляться правоохранительными органами в

целях выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений, а также выявления и установления лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших (статья 2). В частности, милиция может провести «опрос» (статья 6). Другие виды деятельности, предусмотренные статьей 6, включают: наведение справок; сбор образцов для сравнительного исследования; проверочные закупки; исследование предметов и документов; наблюдение; отождествление личности; обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств; контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений; прослушивание телефонных переговоров; снятие информации с технических каналов связи; оперативное внедрение; контролируемая поставка; и оперативные эксперименты. Результаты оперативно-розыскной деятельности могут служить основанием для возбуждения уголовного дела, а также использоваться в доказывании в соответствии с положениями уголовно-процессуального законодательства (статья 11).

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ

57. Заявитель жаловался, что 8, 22 и 28 июня 2004 года он подвергся насилию со стороны сотрудников милицейского подразделения ОРБ. Затем он был переведен в исправительную колонию ИК-14, а во время его содержания под стражей там с июля по ноябрь 2004 года он подвергался дальнейшему насилию со стороны сотрудников милиции и заключенных, действующих по их поручению, при попустительстве администрации колонии. Он утверждал, что насилие использовалось с целью вынудить его признаться в преступлениях и было равносильно пыткам. Кроме того, по его жалобам не было проведено эффективного расследования. Он ссылаясь на статью 3 Конвенции, которая гласит:

«Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию».

58. Власти с данным утверждением не согласились. По их мнению, заявитель не представил доказательств в поддержку своих утверждений о событиях 8 июня 2004 года, для соблюдения критерия доказанности «вне разумных сомнений». Они указали, что никаких телесных повреждений в СИЗО-1 зарегистрировано не было, когда он был помещен туда 9 июня 2004 года или 22 и 28 июня 2004 года.

59. Власти утверждали, что в ИК-14 содержались заключенные, отбывающие наказание после осуждения, но также имелся блок, служащий в качестве следственного изолятора. Они утверждали, что в качестве лица, содержащегося под стражей, заявитель мог содержаться только в этом конкретном блоке. Поэтому осужденные заключенные не могли причинить ему телесные повреждения. Если бы у заявителя имелись телесные повреждения, их наличие было бы зафиксировано в медицинских документах.

60. Что касается телесных повреждений, обнаруженных у заявителя во время его медицинского обследования 29 июня 2004 года, то Власти утверждали, что была проведена доследственная проверка в отношении предполагаемого жестокого обращения с заявителем, а соответствующий материал был уничтожен по истечении соответствующего срока хранения. В ходе доследственной проверки предполагаемого преступления в распоряжении следственных органов имелись определенные следственные действия, а также широкий спектр методов оперативно-розыскной деятельности, предусмотренных Законом об оперативно-розыскной деятельности (см. пункт 56 выше). Эти методы были достаточными для установления фактов, указывающих на то, что элементы преступления были рассмотрены до возбуждения уголовного дела. Что касается установления личности лиц, совершивших преступление и их преследования, это было возможно только в рамках уголовного дела, возбужденного после доследственной проверки.

61. Власти указали, что с момента задержания заявителя в качестве подозреваемого все следственные действия проводились на законных основаниях.

А. Приемлемость

62. Суд отмечает, что данная жалоба не является явно необоснованной по смыслу подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции. Он также отмечает, что она не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Поэтому она должна быть признана приемлемой.

В. Существо жалобы

63. Суд напоминает, что при оценке доказательств, на которых основывается решение о том, имело ли место нарушение статьи 3, Суд использует критерий доказанности «вне разумного сомнения». Однако такое доказывание может основываться на совокупности достаточно надежных, четких и последовательных предположений или аналогичных неопровергнутых фактических презумпций (см.

постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Яллох против Германии» (*Jalloh v. Germany*), жалоба №54810/00, пункт 67, ECHR 2006-IX). Учитывая то, что, когда лицо задержано органами милиции в хорошем состоянии здоровья, а в момент освобождения имеет телесные повреждения, власти обязаны предоставить правдоподобное объяснение того, каким образом указанные телесные повреждения были нанесены, а в случае неспособности предоставить таковое возникает закономерный вопрос, вытекающий из смысла статьи 3 Конвенции (см. постановление от 4 декабря 1995 года по делу «Рибич против Австрии» (*Ribitsch v. Austria*), § 34, Series A № 336; постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Сельмуни против Франции» (*Selmouni v. France*), жалоба №25803/94, § 87, ECHR 1999-V). В случае, когда рассматриваемые события полностью или большей частью находятся в сфере исключительной осведомленности органов власти, как, например, когда лицо содержится под стражей под их полным контролем, возникают обоснованные предположения в отношении телесных повреждений, полученных во время такого содержания под стражей. Бремя доказывания лежит на Властях, которым надлежит привести достаточное и убедительное объяснение, предоставив устанавливающие факты доказательства, ставящие под сомнение версию, представленную жертвой. При отсутствии такого объяснения Суд может сделать выводы, которые могут быть неблагоприятными для Властей. Это основано на том, что лица, находящиеся под стражей, находятся в уязвимом положении, и Власти обязаны защищать их (постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Буйид против Бельгии» (*Bouyid v. Belgium*), жалоба № 23380/09, пункт 83, ЕСПЧ 2015).

1. Материально-правовые аспекты

64. Суть утверждений Властей касается отсутствия каких-либо телесных повреждений у заявителя в соответствии с записями из СИЗО-1, относящимися к 9, 22 и 28 июня 2004 года, а также из исправительной колонии ИК-14.

65. Суд отмечает, что между сторонами существует спор, действительно ли заявитель был помещен в СИЗО-1 9 июня 2004 года. По словам заявителя, он был помещен туда 14 июня 2004 года после содержания в изоляторе временного содержания ГУВД по Нижегородской области с 8 по 9 июня 2004 года и в изоляторе временного содержания ГУ МВД по Приволжскому федеральному округу от 9 до 14 июня 2004 года. Эти факты не были уточнены следственными органами. Власти не представили никаких записей из СИЗО-1, чтобы достоверно продемонстрировать, что содержание заявителя под стражей там началось 9 июня 2004 года. Они также не

представили записи из вышеупомянутых изоляторов временного содержания о том, содержался ли в них заявитель.

66. Что касается медицинских документов заявителя, представленных Властями, обе выписки, описанные в пункте 33 выше, датированы 9 июня 2004 года, хотя одна из них касается медицинского осмотра, проведенного несколькими годами позже, 9 апреля 2007 года. В отсутствие каких-либо разъяснений со стороны Властей нельзя достоверно прийти к выводу, что медицинское обследование заявителя в СИЗО-1 было проведено 9 июня 2004 года. Даже если предположить, что это произошло, записи не содержат, в частности, сведений об обследовании частей тела заявителя, позволяющем сделать вывод о том, что «кожные покровы» были «чистыми». Кроме того, Власти не представили медицинских документов, доказывающих, что заявитель был обследован 22 и 28 июня 2004 года, когда он был помещен в СИЗО-1 после того, как он был доставлен в отделение милиции сотрудниками милицейского подразделения ОРБ. Суд отмечает, что просьба заявителя к персоналу СИЗО-1 зафиксировать его телесные повреждения была отмечена в его жалобах национальным властям 29 и 30 июня 2004 года.

67. Заявитель, который жаловался на ушибы грудной клетки и ссадины и просил зафиксировать его повреждения, был осмотрен доктором Ч. в СИЗО-1 29 июня 2004 года. Доктор зарегистрировал круговые ссадины в нижней трети обеих голени с коричневой «влажной» поверхностью шириной от 1,5 до 2 сантиметров и пришел к выводу, что они были нанесены накануне. По словам заявителя, травмы были нанесены ему в результате жестокого обращения со стороны сотрудников милицейского подразделения ОРБ. К моменту, когда повреждения были обнаружены у заявителя, он содержался под стражей непрерывно в течение двадцати одного дня. Суд считает, что травмы весьма вероятно могли возникнуть в результате предполагаемого жестокого обращения с заявителем со стороны сотрудников милиции.

68. Суд далее отмечает, что травмы заявителя не были зарегистрированы днем ранее, когда он был помещен в СИЗО-1 после доставления в отделение милиции сотрудниками милицейского подразделения ОРБ. Отсутствие каких-либо объяснений со стороны Властей в отношении такого серьезного недостатка ослабляет их главный довод об отсутствии каких-либо повреждений у заявителя согласно записям из следственного изолятора СИЗО-1, относящимся к 9, 22 и 28 июня 2004 года.

69. Переходя к другим доказательствам, представленным заявителем, Суд отмечает, что его утверждения о жестоком обращении с ним в отделении милиции 8 июня 2004 года подтверждаются последовательными заявлениями его жены и сыновей, которые видели

его на судебных слушаниях 9 июня 2004 года (см. пункты 32 (iii)–(iv) и 49 выше).

70. Суд отмечает, что во время предполагаемого жестокого обращения 8 июня 2004 года, то есть между обыском квартиры заявителя (ордер был выдан в связи с его предполагаемой причастностью к грабежу) и его официальным задержании следователем, заявитель содержался под стражей в милиции, был опрошен сотрудниками в отсутствие адвоката и признался в грабеже. Его признание было зафиксировано милицией в виде «явки с повинной», которая якобы была совершена добровольно после того, как он явился в милицию, тогда как на самом деле он был доставлен туда сотрудниками милиции после обыска. Суд ранее установил, что получение добровольной «явки с повинной» от фактического подозреваемого без адвоката, присутствие которого необходимо, является нарушением права подозреваемого на юридическую помощь, и использование такого заявления в качестве доказательства делает судебное разбирательство несправедливым (см. Постановление Европейского Суда от 6 октября 2015 года по делу «Турбылев против России» (*Turbylev v. Russia*), жалоба № 4722/09, пункты 94-95). Как и в деле Турбылева, во время его признания заявитель содержался под стражей в милиции только по той причине, что он подозревался в совершении ограбления (см. пункты 6 и 7 выше). Поэтому ему должен был быть предоставлен доступ к адвокату вместе с другими правами подозреваемого.

71. Суд далее отмечает, что во время предполагаемого жестокого обращения 22 и 28 июня 2004 года заявитель, на тот момент имевший статус обвиняемого, содержался под стражей в милиции и был доставлен из своего места заключения в отделение милиции сотрудниками этого подразделения. Нет никаких указаний на то, что в те дни с ним проводились какие-либо следственные действия, и цель этих переводов остается неизвестной.

72. Поэтому можно сделать вывод о том, что предполагаемое жестокое обращение с заявителем имело место в контексте произвольных действий сотрудников милиции. Это не только поддерживает версию событий 8, 22 и 28 июня 2004 года, представленную заявителем, но также бросает пятно на последующее участие милицеских в этом деле, в связи с тем, что не было возбуждено уголовное или дисциплинарное разбирательство с целью расследования предполагаемого жестокого обращения с заявителем, и что то же самое отделение милиции и, более того, те же милицеские участвовали в деле до окончания предварительного расследования.

73. Что касается утверждений о дальнейшем жестоком обращении с заявителем в ИК-14, Суд учитывает тот факт, что его перевод в ИК-14 был инициирован сотрудниками милицеского подразделения ОРБ с

распоряжения С., и что предполагаемое запугивание его сообвиняемых, которое послужило основанием для перевода, не подлежало никакому разбирательству, в котором он мог бы оспорить его.

74. Вывод Властей о необоснованности утверждений заявителя основывался на отсутствии информации о каких-либо телесных повреждениях в медицинских документах ИК-14. Суд отмечает, что жестокое обращение предположительно имело место при попустительстве и участии администрации ИК-14 (см. пункт 44 выше). Отсутствие каких-либо медицинских записей о телесных повреждениях в ИК-14 не может служить основанием для отклонения утверждений заявителя, а другие доказательства должны быть тщательно изучены.

75. Суд отмечает, что утверждения заявителя о том, что сотрудники милиции и осужденные ИК-14 регулярно избивали и угрожали ему, чтобы заставить его признаться в преступлениях, подтверждаются последовательными заявлениями его жены, сына, И.К. и Г., которые, помимо прочего, описывали состояние и повреждения заявителя, в частности ссадины и синяки на видимых частях его тела (его лицо, голова и запястья), трудности, с которыми он сталкивался при передвижении самостоятельно и его подавленное состояние (см. пункты 32 и 49 выше). Отмечая, что И.К. не повторил все первоначальные заявления, которые он дал в феврале 2006 года в Нижегородском областном суде (как указано в решении от 8 июня 2006 года), Суд обращает внимание на опасения, первоначально высказанные И.К. в отношении последующих показаний в суде. Его последующие показания, как бы то ни было, подтверждали утверждения заявителя.

76. Власти не предоставили записи из ИК-14 о блоках или камерах, в которых содержался заявитель, и о подробностях всех визитов к нему. Утверждения заявителя о том, что он содержался вместе с осужденными и его посещали офицеры милицейского подразделения ОРБ, подтверждаются заявлениями его жены, Г. и И.К. Суд также отмечает, что на конвертах с марками с письмами, отправленными им его семье из ИК-14, в качестве места его содержания под стражей был указан «блок № 14» в котором, как утверждается, содержались осужденные заключенные (см. пункт 31 выше).

77. Кроме того, во время его содержания под стражей в ИК-14 заявитель, на тот момент имевший статус обвиняемого, подал заявления о явке с повинной в отношении шести преступлений (см. пункт 46 выше). Записи с этими заявлениями не были представлены в Суд, и остается неясным, были ли они собраны во время опроса сотрудниками милицейского подразделения ОРБ, как 8 июня 2004 года (см. пункт 70 выше). Однако, учитывая характер этих заявлений

согласно внутреннему законодательству, то есть добровольное признание в совершении преступления, полученное сотрудником правоохранительных органов без адвоката, присутствие которого было необходимо (там же), тот факт, что после того, как он заявил о своей невинности в ходе официального допроса в качестве подозреваемого и обвиняемого в присутствии адвоката, заявитель дал признательные показания в ИК-14 в отсутствие своего адвоката и вне рамок официального допроса следователем, добавляет достоверности его версии событий.

78. В свете вышесказанного у Суда есть достаточные основания считать, что утверждения заявителя о жестоком обращении со стороны сотрудников милиции и заключенных, действующих по их указаниям, заслуживают доверия.

79. Суд считает, что повторные акты насилия во время содержания заявителя под стражей в период между 8 июня 2004 года и 3 ноября 2004 года, которым он подвергался со стороны сотрудников милиции и заключенных, действующих по их указанию, учитывая их тяжесть и цель получения признаний, представляют собой пытки (см. упоминавшееся выше постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Сельмуни против Франции» (*Selmouni v. France*), пункты 96-105 и постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Гёфген против Германии» (*Gäfgen v. Germany*), жалоба № 22978/05, пункт 90, ЕСПЧ 2010).

2. Процессуальный аспект

80. Суд далее отмечает, что утверждения заявителя о жестоком обращении со стороны сотрудников милиции и заключенных, действующих по их указанию, были отклонены национальными следственными органами, которые в основном полагались на утверждения милицейских и заключенных, которые отрицали любые нарушения, и ни разу не распорядились о проведении судебно-медицинской экспертизы заявителя. В основу своих выводов следователи положили результаты доследственной проверки, которая представляет собой первый этап работы с заявлением о возбуждении уголовного дела в соответствии с российским законодательством. При этом в случае обнаружения признаков преступления в ходе проверки следственные органы возбуждают уголовное дело (см. постановление Европейского Суда от 24 июля 2014 года по делу «Ляпин против России» (*Lyapin v. Russia*), жалоба № 46956/09, пункт 129).

81. Суд напоминает, что само по себе проведение доследственной проверки в соответствии со статьей 144 Уголовно-процессуального кодекса РФ является недостаточным в случае несоблюдения органами государственной власти требования эффективности расследования по заслуживающим внимание жалобам на жестокое обращение со

стороны сотрудников милиции в соответствии со статьей 3 Конвенции. Органы власти обязаны возбудить уголовное дело и провести надлежащее расследование путем выполнения всего комплекса следственных действий (там же, пункты 129 и 132-136).

82. Суд считает, что Власти, которые полагалось на поверхностные внутренние доследственные проверки, не выполнили свое бремя доказывания и не предоставили доказательств, способных поставить под сомнение версию заявителя о событиях (см. Постановление Европейского Суда от 2 мая 2017 года по делу «Олисов и другие против России» (*Olisov and Others v. Russia*), жалобы №№ 10825/09 и 2 другие жалобы, пункт 85).

83. Суд считает, что власти не провели эффективного расследования по достоверным утверждениям заявителя о жестоком обращении со стороны сотрудников милиции, как того требует статья 3 Конвенции.

3. Заключение

84. Соответственно, имело место нарушение статьи 3 Конвенции в ее материальном аспекте в том, что заявитель подвергался пыткам и в ее процессуальном аспекте ввиду отсутствия эффективного расследования его утверждений.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ ПУНКТА 1 СТАТЬИ 6 КОНВЕНЦИИ

85. Заявитель жаловался на то, что его осуждение было основано на признательных показаниях, полученных у него под пытками. Он ссылаясь на пункт 1 статьи 6 Конвенции, которая в соответствующей части гласит следующее:

Каждый ... при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое... разбирательство дела ... судом ...

86. Власти оспаривали данный довод, ссылаясь на выводы следственных и судебных органов. В частности, они сомневались в том, что оспариваемые заявления «составили основу» для решения, отметив, что заявитель был судим присяжными, и поэтому оспариваемые заявления, которые были представлены присяжным вместе с другими доказательствами, не упоминались в решении Нижегородского областного суда.

A. Приемлемость

87. Суд отмечает, что данная жалоба не является явно необоснованной по смыслу подпункта «а» пункта 3 статьи 35

Конвенции. Он также отмечает, что она не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Поэтому она должна быть признана приемлемой.

В. Существо жалобы

88. Суд напоминает, что принятие признательных показаний, полученных в нарушение статьи 3, автоматически делает уголовное судопроизводство в целом несправедливым, независимо от доказательной ценности признательных показаний, а также независимо от того, было ли их использование решающим в обеспечении вынесения приговора обвиняемого (см. упоминавшееся выше постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Гёфген против Германии» (*Gäfgen v. Germany*), пункты 166 и 173, и, из числа недавних упоминавшееся выше постановление Европейского Суда по делу «Турбылев против России» (*Turbylev v. Russia*), пункт 90).

89. Суд установил выше, что заявитель подвергался пыткам со стороны сотрудников милиции и заключенных, действующих по их указанию, с тем чтобы заставить его сделать признательные заявления. Он отмечает, что 8 июня 2006 года и в неуказанную дату во время его задержания в ИК-14 заявитель совершил «явку с повинной», которую он повторил 3 ноября 2004 года во время его допроса в качестве обвиняемого. Эти показания составляли часть доказательств, выдвинутых против него, что вытекает из постановления Нижегородского областного суда от 19 октября 2005 года, отклоняющего ходатайство заявителя о признании его допроса в качестве обвиняемого неприемлемым доказательством, и решения от 8 июня 2006 года, приговаривающего заявителя к менее суровому наказанию на основании того, что он осуществил «явку с повинной» (см. пункты 48-52 выше).

90. Отклоняя ходатайство заявителя о том, чтобы его признательные показания были признаны неприемлемыми на том основании, что они были получены под давлением, областной суд не смог провести надлежащую независимую оценку соответствующих медицинских, свидетельских и других доказательств с целью выяснить, существовали ли причины для исключения этих показаний, как утверждает, «запятнанных» жестоким обращением с заявителем, с тем чтобы обеспечить справедливость судебного разбирательства. Вместо этого он сослался на постановление следственных органов об отказе в возбуждении уголовного дела по факту предполагаемого жестокого обращения с заявителем, которое, как было установлено Судом, было основано на доследственной проверке, что не отвечает требованиям статьи 3. Вывод Областного суда о том, что состояние

заявителя в результате предполагаемого жестокого обращения с ним, особенно головные боли и боли в спине и ногах, объяснялось его историей заболеваний, не основан на каком-либо медицинском экспертном заключении. Отсутствие тщательной оценки качества оспариваемого доказательства и обстоятельств, при которых оно было получено, не было исправлено Верховным Судом Российской Федерации.

91. В таких обстоятельствах, Суд приходит к выводу о том, что, вне зависимости от того, какое влияние оказали показания заявителя, полученные под давлением, на исход разбирательства по уголовному делу в его отношении, их использование сделало разбирательство в целом несправедливым.

92. Следовательно, было допущено нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции.

III. ДРУГИЕ ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ НАРУШЕНИЯ ПОЛОЖЕНИЙ КОНВЕНЦИИ

93. Что касается остальных жалоб заявителя в соответствии с Конвенцией, принимая во внимание все имеющиеся в его распоряжении материалы, а также в той мере, в которой эти жалобы подпадают под его компетенцию, Суд не усматривает признаков нарушения прав и свобод, закрепленных в Конвенции или Протоколах к ней. Следовательно, данная часть жалобы должна быть отклонена как явно необоснованная в силу подпункта «а» пункта 3 и пункта 4 статьи 35 Конвенции.

IV. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

94. Статья 41 Конвенции предусматривает следующее:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

A. Ущерб

95. Заявитель потребовал 100 000 евро (EUR) в качестве возмещения морального вреда, причиненного в результате неоднократных актов пыток со стороны сотрудников милиции и осужденных, что унижало его человеческое достоинство и вызывало у него острую физическую боль и моральные страдания.

96. Власти сочли данные требования необоснованными и завышенными.

97. Суд присудил заявителю 50 000 (пятьдесят тысяч) евро, плюс любые налоги, которыми может облагаться данная сумма, в качестве компенсации морального вреда.

98. Кроме того, Суд обращается к своей сложившейся прецедентной практике, согласно которой в случае нарушений прав заявителя, гарантированных статьей 6 Конвенции, необходимо, чтобы заявитель был поставлен, насколько это возможно, в такие условия, как если бы требования вышеуказанного положения нарушены не были, и в принципе, наиболее подходящей формой компенсации было бы повторное судебное разбирательство, если заявитель о таковом ходатайствует (см., с соответствующими изменениями, постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Оджалан против Турции» (*Öcalan v. Turkey*), жалоба № 46221/99, пункт 210 в конце, ЕСПЧ 2005-IV, и постановление Европейского Суда от 13 июля 2006 года по делу «Попов против России» (*Popov v. Russia*), жалоба № 26853/04, пункт 264). В данной связи Суд отмечает, что статья 413 Уголовно-процессуального кодекса предусматривает, что уголовное производство может быть начато заново, если Судом установлено нарушение Конвенции.

В. Проценты за просрочку платежа

99. Суд считает приемлемым, что процентная ставка при просрочке платежа должна быть установлена в размере, равном предельной учетной ставке Европейского Центрального банка плюс три процентных пункта.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД ЕДИНОГЛАСНО:

1. *признал* жалобы, касающиеся предполагаемого жестокого обращения, неэффективность последующего расследования и использование в судебном разбирательстве по делу вынужденного признания, полученного в отсутствие адвоката, приемлемыми, а остальную часть жалобы неприемлемой;
2. *постановил*, что имело место нарушение статьи 3 Конвенции в ее материальном аспекте по причине того, что заявитель подвергался пыткам, а также в ее процессуальном аспекте по причине отсутствия эффективного расследования утверждений заявителя;

3. *постановил*, что было допущено нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции в связи с использованием в качестве доказательства признаний заявителя, полученных под пытками;
4. *постановил*,
 - (а) что власти Государства-ответчика должны выплатить заявителю в течение трех месяцев со дня вступления данного постановления в силу, в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции, 50 000 (пятьдесят тысяч) евро в валюте государства-ответчика по курсу, установленному на день выплаты, а также все налоги, подлежащие начислению на указанную сумму, в качестве компенсации морального вреда;
 - (б) что с момента истечения вышеуказанного трехмесячного срока до момента выплаты компенсации на данную сумму начисляются простые проценты в размере, равном предельной учетной ставке Европейского Центрального банка в течение периода просрочки, плюс три процентных пункта;
5. *отклонил* остальные требования заявителя о справедливой компенсации.

Совершено на английском языке, уведомление о принятом решении в письменной форме направлено 15 мая 2018 года в соответствии с пунктами 2 и 3 Правила 77 Регламента Суда.

Фатош Араджи
Заместитель Секретаря

Хелена Йедерблом
Председатель